

В.М. КОСТЕВА
(Москва)

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ОТРАЖЕНИЕ «ТОТАЛИТАРНОЙ»
ЛИНГВИСТИКИ**

Рассматривается история создания Академического словаря русского языка в СССР тоталитарного периода. В рамках нарративного подхода к лингвисториграфическому описанию прослеживается влияние общественной парадигмы на лингвистическую, что проявляется в использовании ряда дискурсивных практик «тоталитарной» лингвистики.



Ключевые слова: «тоталитарная» лингвистика, словарь, лингвистическая парадигма, кодификация, идеология.

Лексикографическая деятельность принадлежит к неотъемлемой части языковой политики любого государства. Общеизвестным фактом является отражение в лексиконах семантики действующей эпохи. Вычленение из лексикографических трудов соответствующего пласта лексики и изучение ее представления позволили исследователям языка тоталитарного периода говорить о специальном тоталитарном языке. Нам же хотелось бы рассмотреть лексикографические труды тоталитарного периода не с точки зрения их семантического наполнения, а с позиции «тоталитарной» лингвистики. Последнюю мы понимаем, в первую очередь, как лингвистику, имеющую место в тоталитарном государстве, порождаемую им и определяемую, прежде всего, тоталитарной идеологией. Второй аспект значения термина «тоталитарная» лингвистика составляет представление о ней как о совокупности дискурсивных практик в духе М. Фуко, т.е. совокупности «анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [13, с. 216]. Данные практики приводят к идентичным результатам проводимой языковой политики и определяют научные направления [8, с. 37]. Срав-

нительный анализ истории создания словарей в тоталитарных государствах позволил нам отметить прямую зависимость лингвистической парадигмы от общественной парадигмы. Влияние, оказанное последней, включает в себя непосредственное участие государства в словарном деле, выражающееся в государственном и политическом заказе того или иного вида лексикографического источника, его финансирования, освещении работы над ним в периодической печати и авторитетных научных журналах, а также определение его содержания с точки зрения идеологических, политических и экономических предпосылок. Продемонстрируем реализацию этих дискурсивных практик на примере истории создания Академического словаря русского языка в 1920–1940-е гг.

«История больших словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи», — писал редактор Н.Д. Ушаков в предисловии к Толковому словарю русского языка в 1935 г. Добавим: и отражением борьбы лингвистических парадигм [12]. Эту мысль подтверждает, прежде всего, история составления толковых словарей русского языка в период тоталитаризма. К концу 20-х гг. XIX в. остро встал вопрос о создании «Словаря русского языка» Академии наук. Тому было несколько причин. Во-первых, выпущенные до этого времени книги были построены в соответствии с теорией А.А. Шахматова, что предусматривало включение в словарь как диалектологической, так и народной речи без кодификации новой лексики революционной и постреволюционной эпохи. Созданная в 1922 г. специальная словарная комиссия под председательством В.М. Истрина разделяла подобную точку зрения, считая кодификацию неологизмов задачей иного словарного издания. Следовательно, такой словарь не мог считаться удовлетворительным для выполнения государственных задач по ликвидации неграмотности и создания новой советской интеллигенции. Во-вторых, переход на новую орфографию в связи с орфографической реформой 1918 г. потребовал переиздания и пересмотра некоторых томов. Однако, на наш взгляд, основная причина кроется в стремлении создателей словаря создать новую словарную идеологию, соответствующую основным идеологическим установкам государства, на тот пе-

приод – учению о классовой борьбе. Распространение идей о природе языка как о социальном явлении, входящем в надстройку общества, позволило руководителю словарной группы академику Н.С. Державину выдвинуть концепцию нового типа словаря, ориентированного на классовый характер кодифицируемой лексики. Смена социального строя в концепции Державина выдвигает новый господствующий класс, который имеет свою речь, входящую в национальный язык, но противостоящую «в той или иной степени, нормативному национальному языку» господствующих до этого классов [5, с. 4]. Основная задача нового словаря состоит в отражении всего «богатства нашего современного русского языка, языка эпохи Великих Работ во всем размахе его социалистического речетворчества» [Там же, с. 10]. Автор допускает, что новый господствующий класс может иметь культуру, находящуюся на более низком уровне развития по сравнению с предшествующим господствующим классом, в этом случае требуется овладение завоеваниями предшествующей культуры. В области языка к таковым мерам относится обновление его новыми классовыми элементами, расширение лексики языка за счет терминологии. Действительно, в отчете словарной комиссии за 1929–1930-е гг. содержится требование расширить источники для выборки словарного материала с привлечением современной литературы и увеличением материалов по общественной, естественнонаучной проблематике [9, с. 262]. Особое место в статье Державина занимают рассуждения об изменении кодификации «речетворчества», проявляющегося в результате соблюдения следующих правил: с одной стороны, исключения из языка лексических единиц, утративших свою классовую социальную актуальность, с другой – придания новой семантики некоторым «старым элементам», возвращения к жизни некоторых архаических элементов, возведения в норму лексических единиц из языка нового господствующего класса, ранее запрещенных к употреблению «в старом нормативном классовом языке». Заметим, что обращение к архаике в контексте героизма, а также новая семантическая наполняемость устаревших или устаревающих понятий является общим показателем «тоталитарной» лингвистики и проявляется на ее различных уровнях [7].

Реконструируя историю Академического словаря русского языка, заметим, что проект 1932 г. также не был завершен. Выпущены были лишь несколько томов, в частности том 1, 5, 6, 8, 9, 11–13. При этом том первый был выпущен несколько раз в разных редакциях (ср., напр.: Словарь русского языка / сост. Комис. по рус. языку АН СССР. Новое, переработ. и доп. изд. Л., 1932–1933). А уже в 1935–1936 гг. он же вышел седьмым изданием в Институте языка и мышления [6, с. 18]. Несмотря на громкие политические заявления авторов-составителей и поддержку проекта в рамках Института языка и мышления, работа над словарем уже в 1935 г. подверглась критике, причем сделано это было не в лингвистических научных журналах, а в центральной прессе – газете «Правда». Автор разгромной статьи под названием «Троцкистские упражнения в “Академическом словаре”» С. Беляев выступил с заявлением о том, что словарь «засоряет русский язык» ввиду того, что в нем много воровского жаргона, церковнославянизмов в ущерб словам, имеющим «большое общественно-политическое значение». В духе политической семантики того времени составители словаря получили ярлык «троцкистских и иных агентов фашизма», «врагов народа». Беляев отмечал низкую политическую и научную квалификацию кадров, особенно тех, которые собирали первичный материал. Статья завершается призывом к Академии наук «перестроить работу в соответствии с решениями Пленума ЦК ВКП (б) и указаниями товарища Сталина» [3]. Последовавший спустя неделю ответ неперменного секретаря Академии Н.С. Горбунова в той же самой газете содержал сообщение о решении прекратить издание. По словам академика Горбунова, Институт языка и мышления заключил новый договор с издательством, который предусматривает издание совершенно нового словаря [4]. Далее мы находим сообщение о том, что первый том уже готовится к печати. Было ли это на самом деле так, или данная статья стала попыткой спасти себя и других членов Академии, нам достоверно неизвестно. Скорее всего, нет, т. к. в последних абзацах ответа мы находим указание на то, что вопрос о «дальнейшем руководстве изданием и о замене лиц, ответственных за прежние ошибки» будет решен в ближайшее время. Обеляя себя, неперменный секретарь указывает на то, что том, подвергшийся критике, был напечатан без его

ведома, путем прямого подлога, за что заведующая редакцией была снята с работы и исключена из партии. Окончательное завершение работы над словарем в предыдущей редакции осуществилось после выхода Специального постановления АН СССР от 5 августа 1937 г., где словарь был признан «политически вредным и недоброкачественным по выполнению» [7, с. 40]. Новая словарная концепция была представлена общественности в 1938 г. В «Вестнике Академии наук СССР» академик А.В. Орлов опубликовал статью, содержащую требования к новому словарю. Новое издание должно было быть толково-историческим, нормативным, массовым. Работа над словарем предусматривала обработку лексических единиц «от Пушкина до наших дней» и представление их семантики в соответствии с учением Н.Я. Марра «в их историческом развитии в классовом обществе в связи с развитием производства, общественных форм и складывающегося в процессе классовой борьбы мышления» [10, с. 43]. Интересно, что автор обращается не только к понятию литературного языка, но и к понятию национального языка, к последнему относятся «такие слова, которые по своему значению или употреблению сближаются непосредственно с литературным языком», т.е. в авторском видении слова, «распространенные в крестьянских говорах, фольклоре, которые проникают сначала в разговорную речь, а затем и в общелитературный язык» [Там же, с. 41]. Первый том Словаря был выпущен лишь десять лет спустя, в 1949 г., однако его редактор В.И. Чернышев отошел от изначальных установок идеологов словаря. Это проявилось, в частности, в том, что в словаре не упомянуто имя академика Н.Я. Марра – ни в предисловии, ни в списке цитируемых авторов, хотя словарные статьи содержат примеры из научных трудов И.И. Мещанинова, А.Х. Востокова. Из заявленных положений концепции словарь сохранил свое предназначение как «толково-исторический и нормативный», что отмечается в предисловии. Историческая часть представленаписанием лексики на древнерусском языке, среднерусском языке XVI в., примером из словаря русского языка 1780 г. и Академического словаря 1847 г. Толкование выдержано в духе политической семантики 1930-х гг. с примерами из «Истории ВКП(б). Краткого курса»; речей и статей Ленина, Сталина, Калинина, Киро-

ва, Фрунзе, Ворошилова, Молотова, а также классиков русской литературы XVIII – XIX вв., современных писателей М. Горького и т.д. Заметим, что, несмотря на громкие заявления о профессиональной непригодности предыдущих авторов, в составлении первого тома принимали участие и «враги народа» – редакторы предыдущей версии – академики Н.С. Державин и С.П. Обнорский.

Интересным фактом является то, что в вышеупомянутой статье Орлова осуждению подвергались не только составители предшествующего издания, которые, по мнению автора, оказались «и в политическом, и в научном отношении не удовлетворяющими требованиям для работы над созданием подлинно советского Словаря» [10, с. 40], но и формальный метод индоевропейского языкознания, использовавшийся А.А. Шахматовым и его последователями. Воинственное отрицание идей индоевропейского языкознания находит отражение практически во всех лингвистических исследованиях тоталитарных государств и может объясняться природой «тоталитарной» лингвистики, проявляющейся, в частности, в поиске новой лингвистической парадигмы и в постоянной борьбе научных школ и направлений, т.е. парадигм, претендующих на доминантную роль. Издание первого тома словаря демонстрирует нам алгоритм смены лингвистической парадигмы, которая не происходит одновременно, а требует как начального, так и заключительного периода. В этом отношении показательна дальнейшая судьба Академического словаря, который после лингвистической дискуссии 1950 г. стал считаться примером вульгарного социологизма, что потребовало пересмотра и переработки всей концепции. Второй и третий том, несмотря на то, что они уже были подготовлены к печати, были подвергнуты рецензированию и переделке и вышли в свет только в 1951-м и 1954 гг. [2, с. 27].

На наш взгляд, попытка совместить несколько подходов в одном масштабном словаре также является типичным маркером лексикографии тоталитарных государств. Так, Академический словарь румынского языка в своем третьем издании был задуман как дескриптивно-исторический и включал в себя историзмы, архаизмы, неологизмы, слова книжной речи, техническую лексику [14, с. 493].

Масштабные лексикографические проекты были объектом пристального внимания государства, что нашло отражение в финансировании данных проектов, в создании специальных групп и комиссий. Исключением является, пожалуй, только Испания, в которой, в отличие от многих европейских стран, где составление словарей являлось прерогативой ученых-одиночек, составление нормативных словарей традиционно входило в задачи государства. Отметим, что в число составителей словарей входили как штатные сотрудники лингвистических институтов, так и внештатные, в том числе так называемые корреспонденты с мест, однако общее число их было не так велико. Над Академическим словарем русского языка работали лишь 6 штатных сотрудников. В.И. Ленин же в письме Луначарскому призывал привлечь к работе не менее 15 человек [8, с. 192]. Интересно, что над изданием словаря 1949 г. как раз и работали 15 составителей.

С. Беляев упомянул в статье «расход сотни тысяч рублей на работу по изданию словаря». Вероятно, данная сумма была преувеличением. В документах есть счет пенсионеру П.В. Тихомирову за выборку словарных материалов. За 800 карточек ему должны были заплатить 40 руб., из расчета 5 коп. за карточку [9, с. 317]. Напомним, что в 1932 г. средняя зарплата по стране составляла 102 руб. Через три года в 1935 г. одна поездка на метро стоила 30 коп. Однако в тех же архивных материалах мы находим Отчет комиссии по собиранию материалов по древнерусскому языку, из которого видно, что над словарем работали 15 человек, в основном бесплатно, что привело «к резкому понижению количества изготовленных карточек» [Там же, с. 266]. Работа ученых-лингвистов была строго регламентирована, построена в соответствии с атрибутами и ритуалами советской власти. Члены словарной комиссии участвовали в соцсоревновании, были выработаны нормы работы, проводился подекадный учет сделанного, ежеквартально устраивались отчеты с обсуждением готовых материалов [9, с. 264]. Условия работы Комиссии также нуждались в улучшении. Например, в материалах мы находим письмо тогдашнего председателя Словарной комиссии с протестом против переезда Словарного Отделения в менее приспособленное помещение, с меньшей площадью для работы [Там же, с. 300–301].

Таким образом, все вышесказанное подтверждает высказанную нами мысль о том, что лингвистика тоталитарного общества характеризуется непрерывной борьбой научных парадигм, орудием которой являлся язык. Борьба за доминирование того или иного направления была тесно связана с изменением политических и идеологических пристрастий государства и проходила по определенному сценарию, с привлечением государственного ресурса – законодательства, СМИ, финансирования, личной поддержки лидеров государства. Поддерживая, с одной стороны, те или иные лингвистические проекты, государство, с другой стороны, контролирует работу ученых, навязывая им работу в нужном русле, делая их проводниками своей языковой политики.

Литература

1. Аптекарь М., Казимирский К. Игруны // Лит. газ. 1935. 20 окт. С.4.
2. Бархударов С.Г. Русская лексикография // Советское языкознание за 50 лет. 1917–1967 гг. М. : Наука, 1967. С. 24–27.
3. Беляев С. Троцкистские упражнения в «Академическом словаре» // Правда. 1937.11 мая. С. 3.
4. Винавер А. Толковый словарь русского языка // За большевистскую книгу. 1935. № 23–24. С. 28–31.
5. Горбунов Н.А. Письмо в редакцию // Правда. 1937.18 мая. С. 6.
6. Державин Н.С. История языка и работы Академии наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» // Вестн. АН СССР. 1932. №4. С.1–12.
7. Ижевская М.Г. Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель. 1918—1962 гг. М. : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1966.
8. Костева В.М. «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике. М. : МГПУ, 2013.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 51.
10. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934). PETROPOLITANA: тр. Ин-та лингв. исслед. РАН. Т. IX, ч. 1 // отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб. : Наука, 2013.
11. Орлов А.С. О словаре современного русского языка // Вестн. АН СССР. 1938. № 4. С. 40–44.
12. Словарь современного русского литературного языка. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1.
13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл., 1935. Т. 1.
14. Фуко М. Археология знания. Киев : Ника-Центр, 2008.
15. Winkelmann O. Rumänisch: Lexikographie. Lexikon der romanischen Linguistik. Tübingen, Niemeyer, 1995. Bd. 2. P. 492–507.

* * *

1. Aptekar M., Kazimirskiy K. Igrunyi // Lit. gaz. 1935. 20 okt. S.4.
2. Barhudarov S.G. Russkaya leksikografiya // Sovetskoe yazykoznanie za 50 let. 1917–1967 gg. M. : Nauka, 1967. S. 24–27.
3. Belyaev S. Trotskistskie uprazhneniya v «Akademicheskom slovare» // Pravda. 1937. 11 maya. S. 3.
4. Vinaver A. Tolkovyy slovar russkogo yazyka // Za bolshevistskuyu knigu. 1935. № 23–24. S. 28–31.
5. Gorbunov N.A. Pismo v redaktsiyu // Pravda. 1937. 18 maya. S. 6.
6. Derzhavin N.S. Istoriya yazyka i raboty Akademii nauk SSSR nad izdaniem «Slovarya sovremenogo russkogo yazyka» // Vestn. AN SSSR. 1932. #4. S.1–12.
7. Izhevskaya M.G. Slovare, izdannyye v SSSR. Bibliograficheskiy ukazatel. 1918–1962 gg. M. : In-t rus. yaz. AN SSSR, 1966.
8. Kosteva V.M. «Totalitarnaya» lingvistika i ee proyavlenie v yazykovoy politike. M. : MGPU, 2013.
9. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. M. : Izd-vo polit. lit., 1970. T. 51.
10. Materialy k istorii ILI RAN (1921–1934). PETROPOLITANA: tr. In-ta lingv. issled. RAN. T. IX, ch. 1 // otv. red. N.N. Kazanskiy. SPb. : Nauka, 2013.
11. Orlov A.S. O slovare sovremenogo russkogo yazyka // Vestn. AN SSSR. 1938. № 4. S. 40–44.
12. Slovar sovremenogo russkogo literaturnogo yazyka. M. – L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. T. 1.
13. Tolkovyy slovar russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova. M. : Sov. entsikl., 1935. T. 1.
14. Fuko M. Arheologiya znaniya. Kiev : Nika-Tsentr, 2008.
15. Winkelmann O. Rumanisch: Lexikographie. Lexikon der romanischen Linguistik. Tubingen, Niemeyer, 1995. Bd. 2. P. 492–507.

History of creation of the Academic dictionary of the Russian language as the reflection of the “totalitarian” linguistics

There is considered the history of creation of the Academic dictionary of the Russian language in the USSR of the totalitarian period. Based on the narrative approach to linguistic and historiographic description, there is traced the influence of the social paradigm on the linguistic one, which appears in a number of discursive experiences of the “totalitarian” linguistics.

Key words: “totalitarian” linguistics, dictionary, linguistic paradigm, codification, ideology.

(Статья поступила в редакцию 6.05.2014)

М.Б. ПАНФЕРОВА
(Волгоград)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ДЕВИАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В XIX–XXI вв. (на материале эпистолярных произведений А.С. Пушкина)

Характеризуются некоторые лексико-семантические изменения русского языка XIX–XXI вв. Более детально рассматриваются семантические преобразования девиационного типа, охватывающего наибольшее количество обнаруженных лексем.

Ключевые слова: лексико-семантическая система языка, семантические изменения слова, семантическая структура слова, девиационные преобразования.

Современным русским языком в академической традиции принято обозначать хронологический пласт «от Пушкина до наших дней». Между тем анализ современной языковой ситуации обнаруживает существенные сдвиги в семантической структуре многих слов относительно периода двухсотлетней давности, что позволяет судить о несомненном развитии лексико-семантической системы языка за это время.

В нашей работе предпринята попытка выявить характер семантических преобразований лексики русского языка на отрезке XIX–XXI вв. с учетом диахронического аспекта. В результате удалось зафиксировать изменения семантической структуры слова трех типов: девиационного, гиперо-гипонимического, тропического. Проанализировано 30 писем А.С. Пушкина (1815–1837), откуда методом сплошной выборки извлечено 42 лексемы, тем или иным образом изменившие впоследствии свое значение. Обратившись к данным словарей XVIII, XIX, XX и XXI вв. и сопоставив семантическую структуру и дефиницию современного слова с его «историческим» вариантом, мы отнесли рассмотренные слова к одному из трех классов выдвинутой нами классификации. Основанием послужила семантико-диахроническая классификация лексем русского языка, представленная в работе Е.Б. Никифоровой [4].

В данной статье мы остановимся на рассмотрении изменений девиационного характе-